

SVERIGES AMBASSAD
MOSKVA

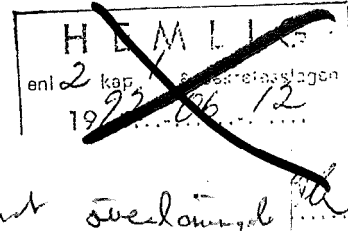
1992-06-12

Nr 151 ✓

Handl: Min. H Magnusson

utr min informerad
a.a/AD

Utrikesdepartementet

INK. UTRIKES DEP.
D.NO
92-06-22

AVG	GER	MAL
P	2	Euf

E

Dokument överlämnade

V

på 4:e mötet 10-11/6/92
- Riksdagen

utrikesministeriet
frskild bilagebuck

V

S

C

C

T

T

järde mötet med
ppen den 10-11 juni
Kolokolov ytterligare
g från det ryska
enten överlämnades
rikesminister Kozyrev

till utrikesminister a^u Ugglas. Delvis rör det sig
om dubletter på dokument som tidigare erhållits.
Andra dokument har vi tidigare inte sett men de
innehåller inte något anmärkningsvärt.

Bland materialet finns telegram från Göteborgs Handels-
och Sjöfartstidning jämte svar från Alexandra Kollontaj
1947 med anledning av hennes uppgift 1945 till Raoul
Wallenbergs mor om att hennes son befann sig väl
i Sovjetunionen. Kollontajs svar var att hon inte
hade något att tillägga utöver information som givits
från officiella källor i Moskva till det svenska
utrikesministeriet. Hon underställde dock först
sitt svar vice utrikesminister J Malik. Chefen för
skandinaviska avdelningen i MID Vetrov skriver i
ett personligt meddelande till Malik att han anser

SVERIGES AMBASSAD
MOSKVA

1992-06-12

Nr 151 ✓

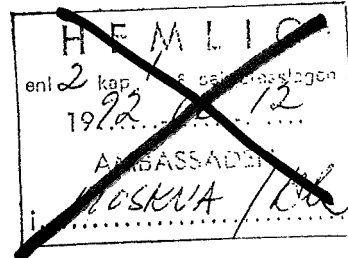
Handl: Min. H Magnusson

utr min informerad
a.a/AD

Utrikesdepartementet

Pal

HEMLIG

INK. UTRIKES DEP.		
D.Nr		
92-06-22		
AV	GR	MAL
P	2	Euf

Wallenbergdokument från det ryska utrikesministeriet
(\$ bil.) bilaga finns i särskild bilagebuck

Vid en lunch i samband med det fjärde mötet med svensk-ryska Wallenbergarbetsgruppen den 10-11 juni överlämnade vice utrikesminister Kolokolov ytterligare dokument rörande Raoul Wallenberg från det ryska utrikesministeriets arkiv. Dokumenten överlämnades tillsammans med ett brev från utrikesminister Kozyrev till utrikesminister af Ugglas. Delvis rör det sig om dubletter på dokument som tidigare erhållits. Andra dokument har vi tidigare inte sett men de innehåller inte något anmärkningsvärt.

Bland materialet finns telegram från Göteborgs Handels- och Sjöfartstidning jämte svar från Alexandra Kollontaj 1947 med anledning av hennes uppgift 1945 till Raoul Wallenbergs mor om att hennes son befann sig väl i Sovjetunionen. Kollontajs svar var att hon inte hade något att tillägga utöver information som givits från officiella källor i Moskva till det svenska utrikesministeriet. Hon underställde dock först sitt svar vice utrikesminister J Malik. Chefen för skandinaviska avdelningen i MID Vetrov skriver i ett personligt meddelande till Malik att han anser

förslaget till svar kan godkännas. Av intresse är att dessa två dokument upprättats den 22 resp 23 juli 1947. På Vetrovs meddelande till Malik finns, liksom på ett påminnelsebrev från Vysjinskij till Abakumov den 22 juli nu att denne skall påskynda ett svar om RW:s öde (erhållet i höstas), antecknat för hand: "Brev från Abakumov har mottagits i Molotovs sekretariat". I båda fallen är det just Vetrov som gjort anteckningen. *)

I ett annat dokument daterat juli 1990 från vice KGB-chefen Pirozjkov till vice utrikesminister Kvitsinskij sägs att undersökningar i KGB:s arkiv rörande två brev från KGB till MID (varav det ena är just Abakumovs brev till Molotov) inte givit något resultat. Detta dokument är intressant genom att det visar att KGB och MID redan sommaren 1990 inlett en genomgång av visst arkivmaterial rörande RW, som vi på svensk sida fick kännedom om först hösten 1991. 1990 ansåg man, särskilt på KGB, det inte lämpligt att informera Sverige.

Ett annat dokument i samlingen är en skrivelse från vice KGB-chefen Tikunov till vice utrikesminister Kuznetsov i mars 1961 med anledning av Swartz-Mjasnikovaffären. I skrivelsen sägs bl a att Mjasnikov inte var underrättad om RW, att Erlanders uppgift om att Svartz erhållit information om RW från en sovjetisk vetenskapsman ej motsvarar verkligheten samt att KGB befinner det nödvändigt svara Erlander på samma sätt som i noten från juni 1957.

Det finns flera ytterligare dokument rörande Svartz-Mjasnikovaffären, varav några är dubletter. Inget

*) På ovannämnda meddelanden fanns också antecknat att ärendet föredragits för Molotov och Vysjinskij.

nytt framkommer. Dessutom finns ännu en kopia av
utkast till det s k Gromykomemorandumet 1957.
Det dokumentet har vi också redan fått tillgång
till tidigare.

Örjan Berner
Örjan Berner

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

м.р.

for [signature]

17/6 / [signature]

Москва, "11" июня 1992 года

Уважаемая госпожа Министр,

В соответствии с договоренностью, достигнутой нашими представителями, препровождаю при сем ксерокопии новых документов Архива внешней политики России, касающиеся Р.Валленберга, согласно приложенному перечню.

Примите, госпожа Министр, уверения в моем высоком и искреннем уважении.

[signature]
А. КОЗЫРЕВ

Ее Превосходительству госпоже М.аф УГГЛАС
Министру иностранных дел Швеции
г.Стокгольм

П Е Р Е Ч Е Н Ь

ксерокопий документов АВП РФ о Рауле Валленберге

1. Телеграмма на имя А.М.Коллонтай от редакции газеты "Гетеборгс Хандельс", 19 июля 1947 г.

АВП РФ, ф.0140, оп.38, п.143, д.27, л.54

2. Письмо А.М.Коллонтай заместителю министра иностранных дел СССР Я.А.Малику, 21 июля 1947 г.

Там же, л.55

3. Докладная записка заместителя заведующего 5 Европейским отделом М.В.Ветрова Я.А.Малику, 23 июля 1947 г.

Там же, л.55а

4. Письмо заведующего Отделом Скандинавских стран МИД СССР М.Г.Грибанова в КГБ при СМ СССР относительно письма И.С.Ширягина, 13 апреля 1956 г.

АВП РФ, ф.0140, оп.47, п.191, д.37, л.133

5. Ответ КГБ СССР руководству МИД СССР относительно письма И.С.Ширягина, 5 сентября 1990 г.

АВП РФ, ф.048, оп.57, п.478, д.16

6. Письмо заместителя председателя КГБ Тикунова заместителю министра иностранных дел СССР В.В.Кузнецову, 16 марта 1961 г.

АВП РФ, ф.0140, оп.52, п.204, д.20, лл.9-10

7. Докладная записка заведующего Отделом Скандинавских стран МИД СССР Н.М.Лунькова В.В.Кузнецову, 23 марта 1961 г.

Там же, лл.11-12

8. Письмо Н.М.Лунькова послу СССР в Швеции Ф.Т.Гусеву, 30 марта 1961 г.

Там же, л.13

9. Запись беседы директора Института терапии Академии медицинских наук СССР профессора А.Л.Мясникова с послом Швеции в СССР Г.Яррингом, 11 мая 1965 г.

АВП РФ, ф.0140, оп.56, п.213, д.11, лл.42-45

10. Запись беседы профессора А.Л.Мясникова со шведским профессором Нанной Шварц, 6 июля 1965 г.

АВП РФ, ф.0140, оп.56, п.213, д.11, лл.66-81

Из фонда с-та Д.Т.Шепилова

11. Записка министра иностранных дел СССР Д.Т.Шепилова и председателя КГБ при СМ СССР И.А.Серова с приложением проектов постановления ЦК КПСС и памятной записки относительно Р.Валленберга, 12/14 января 1957 г.

АВП РФ, ф.0536, оп.2, п.4, д.50, лл.13-16

12. Сопроводительная записка заместителя министра иностранных дел А.В.Захарова Д.Т.Шепилову от 7 января 1957 г. с переработанным проектом памятной записки о Р.Валленберге.

Там же, лл.17, 19-20

13. Запись беседы А.А.Громыко с послом Швеции в СССР Р.Сульманом, 6 февраля 1957 г.

Там же, л.8

Ambassadens översättning

RYSKA FEDERATIONEN

UTRIKESMINISTERN

Moskva den 11 juni 1992

Ärade fru minister,

I enlighet med av våra representanter uppnådd överenskommelse översänder jag bifogat kopior på nya dokument från Rysslands utrikespolitiska arkiv gällande R. Wallenberg, enligt bifogad lista.

Mottag, fru minister, försäkran om min utmärkta och uppriktiga högaktning.

A. KOZYREV

Hennes Excellens fru M af Ugglas
Sveriges Utrikesminister
Stockholm

F Ö R T E C K N I N G

över kopior på dokument från Ryska Federationens
utrikespolitiska arkiv om Raoul Wallenberg

1. Telegram till A.M. Kollontaj från redaktionen för
tidningen "Göteborgs Handels", den 19 juli 1947
Ryska Federationens utrikespolitiska arkiv (AVP RF),
f. 0140, op.38, p.143, d.27, l.54

2. Brev från A.M. Kollontaj till Sovjetunionens vice
utrikesminister Ja.A. Malik, den 21 juli 1947
Ibid, l.55

3. Skrivelse från ställföreträdande chefen för 5:e
Europeiska avdelningen M.V. Vetrov till Ja. A. Malik,
den 23 juli 1947
Ibid, l.55a

4. Brev från chefen för Sovjetunionens
utrikesministeriums avdelning för skandinaviska länder.
M.G. Gribanov till Sovjetunionens Ministerråds
Kommitté för statssäkerhet (KGB) rörande brev från
I.S. Sjirjagin, den 13 april 1956
AVP RF, f.0140, op.47, p.191, d.37, l.133

5. Svar från KGB till Sovjetunionens
utrikesministeriums ledning rörande brev från I.S.
Sjirjagin, den 5 september 1990
AVP RF, f.048, op.57, p.478, d.16

6. Brev från KGBs vice ordförande Tikunov till
Sovjetunionens vice utrikesminister V.V.Kuznetsov, den
16 mars 1961
AVP RF, f.0140, op.52, p.204, d.20, ll. 9-10

7. Skrivelse från chefen för Sovjetunionens utrikesministeriums avdelning för skandinaviska länder N.M Lunkov till V.V.Kuznetsov, den 23 mars 1961
Ibid., 11.11-12

8. Brev från N.M. Lunkov till Sovjetunionens ambassadör i Sverige F.T.Gusev, den 30 mars 1961
Ibid., 1.13

9. Uppteckning av samtal mellan direktören för Sovjetunionens medicinska vetenskapsakademis terapiinstitut professor A.L. Mjasnikov och Sveriges ambassadör i Sovjetunionen G. Jarring, den 11 maj 1965.
AVP RF, f.0140, op. 56, p.213, d.11, 11.42-45

10. Uppteckning av samtal mellan professor A.L. Mjasnikov och den svenska professorn Nanna Swartz, den 6 juli 1965
AVP RF, f.0140, op.56, p.213, d.11, 11.66-81

Ur fonden s-t D.T. Sjepilov

11. Skrivelse av Sovjetunionens utrikesminister D.T. Sjepilov och KGBs ordförande I.A.Serov med bifogade utkast till resolution av SUKPs centralkommitté och promemoria rörande R. Wallenberg, den 12/14 januari 1957.
AVP RF, f.0536, op.2, p. 4, d.50, 11.13-16

12. Följebrev från vice utrikesminister A.V.Zacharov till D.T. Sjepilov från den 7 januari 1957 med omarbetat utkast till promemoria om R. Wallenberg
Ibid., 11.17, 19-20

13. Uppteckning av samtal mellan A.A. Gromyko och
Sveriges ambassadör i Sovjetunionen R. Sohlman, den 6
februari 1957
Ibid., 1.8

2-IS/ms
5.06.92

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Москва, "11" июня 1992 года

Уважаемая госпожа Министр,

В соответствии с договоренностью, достигнутой нашими представителями, препровождаю при сем ксерокопии новых документов Архива внешней политики России, касающиеся Р.Валленберга, согласно приложенному перечню.

Примите, госпожа Министр, уверения в моем высоком и искреннем уважении.

А. КОЗЫРЕВ

Ее Превосходительству госпоже М.аф УГГЛАС
Министру иностранных дел Швеции
г.Стокгольм

П Е Р Е Ч Е Н Ь

ксерокопий документов АВП РФ о Рауле Валленберге

1. Телеграмма на имя А.М.Коллонтай от редакции газеты "Гетеборгс Хандельс", 19 июля 1947 г.

АВП РФ, ф.0140, оп.38, п.143, д.27, л.54

2. Письмо А.М.Коллонтай заместителю министра иностранных дел СССР Я.А.Малику, 21 июля 1947 г.

Там же, л.55

3. Докладная записка заместителя заведующего 5 Европейским отделом М.В.Ветрова Я.А.Малику, 23 июля 1947 г.

Там же, л.55а

4. Письмо заведующего Отделом Скандинавских стран МИД СССР М.Г.Грибанова в КГБ при СМ СССР относительно письма И.С.Ширягина, 13 апреля 1956 г.

АВП РФ, ф.0140, оп.47, п.191, д.37, л.133

5. Ответ КГБ СССР руководству МИД СССР относительно письма И.С.Ширягина, 5 сентября 1990 г.

АВП РФ, ф.048, оп.57, п.478, д.16

6. Письмо заместителя председателя КГБ Тикунова заместителю министра иностранных дел СССР В.В.Кузнецову, 16 марта 1961 г.

АВП РФ, ф.0140, оп.52, п.204, д.20, лл.9-10

7. Докладная записка заведующего Отделом Скандинавских стран МИД СССР Н.М.Лунькова В.В.Кузнецову, 23 марта 1961 г.

Там же, лл.11-12

8. Письмо Н.М.Лунькова послу СССР в Швеции Ф.Т.Гусеву, 30 марта 1961 г.

Там же, л.13

9. Запись беседы директора Института терапии Академии медицинских наук СССР профессора А.Л.Мясникова с послом Швеции в СССР Г.Яррингом, 11 мая 1965 г.

АВП РФ, ф.0140, оп.56, п.213, д.11, лл.42-45

10. Запись беседы профессора А.Л.Мясникова со шведским профессором Нанной Шварц, 6 июля 1965 г.

АВП РФ, ф.0140, оп.56, п.213, д.11, лл.66-81

Из фонда с-та Д.Т.Шепилова

11. Записка министра иностранных дел СССР Д.Т.Шепилова и председателя КГБ при СМ СССР И.А.Серова с приложением проектов постановления ЦК КПСС и памятной записки относительно Р.Валленберга, 12/14 января 1957 г.

АВП РФ, ф.0536, оп.2, п.4, д.50, лл.13-16

12. Сопроводительная записка заместителя министра иностранных дел А.В.Захарова Д.Т.Шепилову от 7 января 1957 г. с переработанным проектом памятной записки о Р.Валленберге.

Там же, лл.17, 19-20

13. Запись беседы А.А.Громыко с послом Швеции в СССР Р.Сульманом, 6 февраля 1957 г.

Там же, л.8

МЕЖДУНАРОДНАЯ

Александр Коллонтай
Коллонтай
 МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР
Коллонтай

19	ПРИЕМ	STKM	ПЕРЕДАЧА
г. 16 00	м.	г. 4 30	м.
Бл. №	Посл. №	Пор. №	Пр. №
Принят: KOZLOVA R	Передан		
ИЗ RS189 GOTEBOG	СЛУЖБ. ОТМЕТКИ		
№ 48 19 1140	г. 4 м		

MADAME ALEXANDRA
 KOLLONTAY MOSCOW

IN FEBRUARY 1945 YOU DECLARED TO THE MOTHER OF RAOUL WALLENBERG
 THAT HER SON WAS LIVING IN GOOD RUSSIAN CARE STOP WOULD YOU
 KINDLY CONFIRM IF YOU ARE STILL MAINTAINING THIS STOP IF NOT
 PLEASE EXPLAIN WHAT HAS HAPPENED - GÖTEBORGS HANDELS OCH
 SJÖFARTSTIDNING +

get reply 11/11/50

Больш.Калужская д.11 кв.149
тел. В 1-89-12.

149/11-11
9/10/49
Глубокоуважаемый Яков Александрович, 55.

Препровождаю Вам для Вашего сведения
полученную мною телеграмму от редакции либе-
ральной газеты "Гетеборгс Хандельс и Шефартс-
тиднинг" о судьбе Рауля Валленберга, на кото-
рую я намерена ответить как ниже следует:

-elt-
Goteborgs Handels och Sjöfartstidning
Goteborg

In answer to your telegram regarding Raoul
Wallenberg I have nothing to add to the
communications which were given to Swedish
Foreign Office from official sources in
Moscow

Alexandra Kollontay.

21/VII.47
22.10

27 июля
Тов. МАЛИК П.А.

7 июля с.г. тов. Вышинский А.Я.
направил письмо тов. Абакумову В.С.
просьбой информировать МИД СССР по
пу Рауля Валленберг.

22 июля тов. Абакумову послано
второе письмо с просьбой ускорить
ответ на письмо от 7 июля.

Что касается ответа т. Коллон-
ий А.М. на телеграмму "Гетеборгс
индельс ок Шефартстидичт", то по-
стоянно возможным разрешить тов. Коллон-
ий послать ответ в предложенной ею
редакции.

М.Ветров
(М.Ветров)

23. VII. 47 г.

Письмо от т. Абакумова
в с-п т. Молотова получено
11 июля

128

РАСЕКРЕЧЕНО
СОВ. СЕКРЕТНО

Экз. № 2

571-а" Мв.
Грибанов" 13 " апреля 1956 года
Иск. № 943 /ЗскКОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ
СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССРтов. ГРИБАНОВУ О.М.

В МИД СССР поступило письмо И.С. Ширягина, проживающего в пос. Введенино, Харьковской области, в котором содержатся некоторые данные о шведском дипломате Гауле Валленберге.

Не исключено, что т. Ширягин, исходя из искренних побуждений помочь в розыске Валленберге, будет о содержании своего письма передавать другим лицам и, в конце концов, это может дойти до шведского посольства.

Не считаете ли Вы целесообразным через имеющиеся у Вас каналы посоветовать в осторожной форме И.С. Ширягину, чтобы он не распространялся в кругу своих родных и знакомых насчет известных ему данных о Валленберге.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Письмо на 1 листе. (нескрейно/ только в архив)

ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН МИД
С С С Р

13. IV. Грибанов

2-КС
13. IV. 56 г.
№ 1336/Зск

М. ГРИБАНОВ

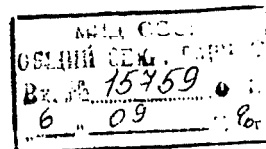
4/12
Верно: Турбина

**КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР**

05.09.90г № 1867/П

Москва

Заместителю министра
иностраных дел СССР
т.Квицинскому Ю.А.

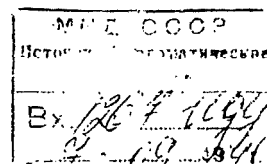
На № III/нду от 30 июля 1990 года

Уважаемый Юлий Александрович!

Сообщаем, что проведенной проверкой по материалам
Центрального архива КГБ СССР писем Абакумова В.С. на
имя Подстова В.М. (№ 3044/А от 17 июля 1947 года) и МЦД
СССР в КГБ при СМ СССР на имя Грибанова О.М. (№ 943/Зск
от 13 апреля 1956 года) не обнаружено.

Заместитель Председателя Комитета

В.Н. Пирожков
В.Н.Пирожков

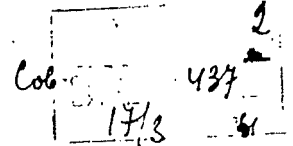
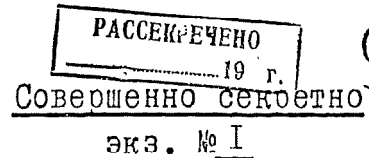
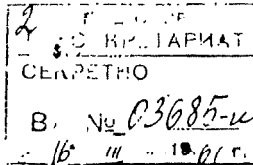

СССР

КОМИТЕТ

Государственной безопасности
при Совете Министров СССР

16 марта 1961 г.

№ 857/Ш
гор. Москва

ЗАМЕСТИТЕЛЮ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

товарищу КУЗНЕЦОВУ В.В.

На № 99/Осс от I/Ш-61 г.

По затронутому в письме премьер-министра ЭРЛАНДЕРА вопросу о шведском дипломате Рауле ВАЛЛЕНБЕРГЕ сообщаем следующее:

С 22 по 28 января с.г. в гор.Москве проходила Всесоюзная конференция ревматологов. В качестве гостя на этой конференции присутствовала президент международного общества терапевтов шведка Нана ШВАРЦ, которая перед отъездом в Швецию посетила Институт терапии Академии медицинских наук СССР, директором которого является профессор МЯСНИКОВ А.Л.

В одной из бесед ШВАРЦ обратилась к тов.МЯСНИКОВУ за советом в отношении розыска вышеуказанного ВАЛЛЕНБЕРГА, который якобы находится в Советском Союзе.

Будучи неосведомленным о ВАЛЛЕНБЕРГЕ, т.МЯСНИКОВ, не интересуясь подробностями этого дела, порекомендовал ШВАРЦ выяснить этот вопрос в МИД"е СССР. Это обстоятельство подтверждается в письме ШВАРЦ на имя тов.СЕМЕНОВА от 5.П.61

Таким образом, заявление ЭРЛАНДЕРА о том, что якобы ШВАРЦ получила информацию о ВАЛЛЕНБЕРГЕ от советского ученого, не соответствует действительности.

1717

В ответе ЭРЛАНДЕРУ считаем необходимым подтвердить данные о судьбе ВАЛЛЕНБЕРГА, изложенные в ноте МИД СССР от июня 1957 года.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

В. И. Тихонов
ТИХОНОВ/

осс

РАССЕКРЕЧЕНО
Секретно. 19 ЭКЗ. № 1

"23" марта 1961 года
№ 142/Осс

МИД СССР
ГЕНСЕКРЕТАРИАТ
СЕКРЕТНО
в № 39302
23. III. 1961 г.

Тов. КУЗНЕЦОВУ В.В.

Об ответе на письмо премьер-министра Швеции Эрландера на имя тов. Хрущева Н.С. по поводу Валленберга.

*Г.М.
отдел
информ.*

*1
3
61*

По просьбе МИД СССР КГБ при Совете Министров СССР проверил указанные в письме Эрландера на имя тов. Хрущева Н.С. сведения, относящиеся к шведскому гражданину Валленбергу, который, как указывается в письме Эрландера, якобы был жив и находился в конце января 1961 года в Москве.

В своем заключении КГБ сообщает, что заявление Эрландера о том, что Президент Международного общества терапевтов Шварц якобы получила упомянутую информацию о Валленберге от советского ученого, не соответствует действительности.

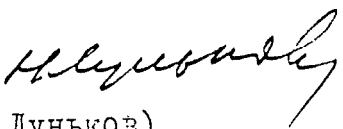
В беседе с послом Швеции Сульманом по вопросу, поставленному в письме Эрландера, тов. Н.С. Хрущев заявил, что никаких новых обстоятельств в этом вопросе нет и "я ничего не могу добавить к тому, что уже говорилось и не однажды с нашей стороны". Тов. Н.С. Хрущев заявил далее, что он дал "исчерпывающий и окончательный ответ" послу.

В связи с вышеизложенным Отдел считает вопрос об обращении Эрландера от 9 февраля с.г. по поводу Валленберга законченным. Никакого дополнительного ответа на это обращение не требуется.

*24
25*

Если со стороны шведского посольства в какой-либо связи в будущем будет поднят вопрос об ответе на указанное обращение Эрландера, то с нашей стороны следует заявить, что окончательный и исчерпывающий ответ на это обращение был дан Председателем Совета Министров СССР послу Сульману 25 февраля 1961 года.

Обращение Н.Шварц на имя тов.Семенова В.С. по этому же вопросу, по мнению Отдела, следует оставить без ответа.

(Н.Луньков)

2-СЛ/лб.
№ 297/Осс
23.3.61.

Тов. Кузнецов В.В.
Принимая во внимание
содержание этого письма
тов. Гусеву Ф.Т.

РАСЕКРЕЧЕНО
19 г.
СЕКРЕТНО. Экз. № 2
"30" марта 1961 года
№ 163/Осс

13

Н.С. Хрущев
23.11.61
ПОСЛУ СССР В ШВЕЦИИ

тов. ГУСЕВУ Ф.Т.

Посольству было сообщено, что в начале февраля премьер-министр Швеции Эрландер обратился с письмом на имя тов. Н.С.Хрущева по поводу Р.ВАЛЛЕНБЕРГА, в котором утверждалось, что упомянутый шведский гражданин якобы находился в январе 1961 года в психиатрической больнице в Москве. При вручении послом Сульманом этого письма послу был дан ответ, что никаких новых обстоятельств в этом деле нет, и ничего нельзя добавить к тому, что уже ранее неоднократно говорилось советской стороной. Послу далее было сказано, что шведское правительство, возвращаясь опять к этому делу, преследует какие-то свои особые, недружественные СССР цели. Это создает впечатление, что действия шведской стороны предприняты в интересах обострения "холодной войны".

Было подчеркнуто, что этот ответ является исчерпывающим и окончательным.

Посольству следует руководствоваться изложенным выше при возможных обращениях по вопросу о Р.Валленберге.

По этому же делу с письмом на имя заместителя министра иностранных дел Семенова В.С. обратилась президент Международного общества терапевтов Н.Шварц. Это письмо оставлено без ответа.

ЗАВ.ОТДЕЛОМ
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
МИД СССР

(Н.Луньков)

верно: без

ВГ
Осс
61

Луньков 23.11

1213.25
24.12

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

директора Института терапии Академии медицинских наук СССР профессора А.Л.Мясникова с послом Швеции в СССР Г.Яррингом

II мая 1965 года

А.Л.Мясников принял Ярринга в своем служебном кабинете в Институте терапии.

В начале беседы Ярринг охарактеризовал советско-шведские отношения как хорошие, отметив, что единственным отягощающим моментом в них является дело о судьбе исчезнувшего шведского дипломата Рауля Валленберга.

Ярринг сказал, что известный шведский ученый профессор Нанна Шварц была 4 года тому назад в Советском Союзе и беседовала с профессором А.Л.Мясниковым по вопросу о судьбе Валленберга. По возвращении в Стокгольм она заявила, что А.Л.Мясников сказал ей, что Валленберг болен и находится в советской больнице. Посол заметил, что он информирован о переписке Мясникова с Н.Шварц и знает отношение А.Л.Мясникова к тому, что заявила в Стокгольме Нанна Шварц. Таким образом в вопросе о беседе А.Л.Мясникова с Н.Шварц возникло две версии, противоречащие одна другой. Цель посещения Яррингом Института терапии заключается в том, чтобы попытаться выяснить, как возникло такое положение.

А.Л.Мясников сказал, что он до беседы с Шварц не слышал имени Валленберга и поэтому не мог сказать Шварц того, что она ему приписывает.

Далее А.Л.Мясников рассказал следующее:

В 1961 году Н.Шварц приехала в Москву для участия в Ревматологическом конгрессе. Ее доклады вызвали интерес среди советских ученых, которые оказали Шварц большое внимание. Н.Шварц беседовала с А.Л.Мясниковым на его квартире (беседа носила чисто научный характер) и затем в Институте терапии. После осмотра института Шварц попросила А.Л.Мясникова поговорить с ней по вопросу, не имеющему отношения к научным исследованиям. А.Л.Мясников пригласил Н.Шварц в кабинет.

В начале беседы присутствовал заместитель директора Института член-корреспондент АН СССР профессор Сперанский. Н.Шварц рассказала, что молодой шведский дипломат Р.Валленберг в конце второй мировой войны оказался в Советском Союзе. Военнопленные, вернувшиеся из Советского Союза, сообщают, что он все еще находится в СССР, по последним сведениям, в городе Владимире. Высказав предположение, что А.Л.Мясников как крупнейший советский терапевт, возможно, лечит Н.С.Хрущева, Шварц попросила А.Л.Мясникова выяснить у главы Советского правительства вопрос о судьбе Валленберга. При этом она указала на гуманный характер этого вопроса, подчеркнув, что мать Валленберга тяжело страдает от неизвестности относительно судьбы своего сына. Н.Шварц высказала предположение, что, возможно, Р.Валленберг в тяжелом состоянии и находится в больнице.

А.Л.Мясников ответил Шварц, что имени Валленберга он не слышал и поэтому не знает, жив ли этот человек или умер, болен он или здоров, находится в больнице или нет.

Что касается Н.С.Хрущева, то, насколько известно А.Л.Мясникову, он здоров, и Мясников его не лечит, но если бы даже он и лечил Н.С.Хрущева, то не стал бы ставить подобные вопросы Председателю Совета Министров СССР. Вопросы, связанные с розысками граждан других государств, рассматриваются Министерством иностранных дел СССР. А.Л.Мясников порекомендовал Н.Шварц обратиться с ее просьбой к заместителю министра иностранных дел СССР В.С.Семенову и дал ей его телефон. Когда А.Л.Мясников при этом сказал, что человека, о котором спрашивала Н.Шварц, может быть уже нет в живых, она энергично протестовала и настаивала, что, как известно шведской стороне, Валленберг жив и находится во Владимире.

А.Л.Мясников разъяснил Яррингу, что, по его мнению, недоразумение могло возникнуть в связи с тем, что беседа со Шварц проходила на немецком языке, которого он в совершенстве не знает. Поэтому условные предложения, сказанные

по немецки, могли быть восприняты Шварц как какое-то допущение.

Ярринг сказал, что, согласно утверждениям Н.Шварц, она много раз беседовала с А.Л.Мясниковым по-немецки, и они всегда хорошо понимали друг друга.

А.Л.Мясников ответил, что в беседах на научные темы смысловые нюансы не играют большого значения.

Далее А.Л.Мясников отметил, что, не зная до разговора со Шварц ничего о Валленберге, он не мог знать и о том, что, как ему стало известно позднее, Валленберг умер еще в 1947 г. и что об этом было сообщено нашим правительством правительству Швеции. Н.Шварц во время беседы с А.Л.Мясниковым ничего ему об этом не сказала.

А.Л.Мясников сказал Яррингу, что он не понимает, почему он оказался впутанным в дело, к которому не имеет и никогда не имел никакого отношения. Ему не приходилось заниматься военнопленными и иностранцами, которые оказались по тем или другим причинам в Советском Союзе. О Валленберге он тем более ничего не мог знать, поскольку тот умер в 1947 году, а профессор Мясников приехал в Москву и начал работу в Институте терапии только в 1948 году. А.Л.Мясников добавил, что, судя по всему, в Швеции есть определенные круги, специально раздувающие это дело.

Ярринг заявил, что шведское правительство также не испытывает удовольствия заниматься этим вопросом. Оно заинтересовано лишь в выяснении судьбы Валленберга.

Далее Ярринг предложил А.Л.Мясникову организовать встречу с Н.Шварц. Он сказал, что Шварц готова приехать в Москву, чтобы выяснить с А.Л.Мясниковым, каким образом возникло такое положение, когда об одной и той же беседе существуют две противоположные версии.

А.Л.Мясников ответил, что встреча со Шварц по этому вопросу не может ничего дать, поскольку Мясников ничего о Валленберге не знает. Н.Шварц будет утверждать, что она поняла слова профессора Мясникова таким-то образом, А.Л.Мясников заявит, что он ничего подобного не говорил.

Ярринг продолжал настаивать на встрече, заявляя, что она может внести определенную ясность в вопросе о судьбе Валленберга. Ярринг сказал, что такую встречу было бы целесообразно организовать в присутствии его и представителя Министерства иностранных дел СССР до визита премьер-министра Швеции Эрландера в Советский Союз, лучше всего до 1 июня с.г.

А.Л.Мясников сказал, что он считает Н.Шварц крупным ученым и готов встречаться с ней для обсуждения научных проблем, однако не видит никакого смысла в дальнейших беседах по вопросу о Валленберге. Такая встреча не может быть полезной ни в каком отношении.

Ярринг вновь спросил А.Л.Мясникова, примет ли он Н.Шварц если она выскажет пожелание приехать в Москву, чтобы встретиться с ним.

А.Л.Мясников ответил, что он может побеседовать со Шварц, но считает такую встречу бесполезной.

Ярринг сказал, что он сообщит о своей беседе с А.Л.Мясниковым в Стокгольм, и просит А.Л.Мясникова через некоторое время вновь принять его и обсудить вопрос о возможной встрече А.Л. Мясникова с профессором Шварц.

А.Л.Мясников ответил, что он рад видеть посла.

Ярринг поблагодарил А.Л.Мясникова за разъяснение и сказал, что теперь лично у него появилась ясность в этом деле.

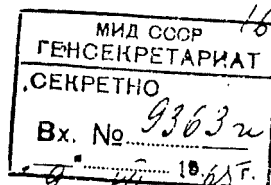
На беседе присутствовал атташе Отдела скандинавских стран МИД СССР И.А.Косачев.

Беседу записал: *И.А.Косачев* (И.Косачев)

12 мая 1965 г.
Исх. № 320/Осс

*Записано 12 мая с.г. согласно
с г. Мясниковым А.Л.*

*Разослано по Президиуму
за № 486/ТС 15/6 Сел*

РАССЕКРЕТНО

Секретно.Экз. № 1

66

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

профессора директора Института терапии Академии медицинских наук СССР А.Л.Мясникова со шведским профессором Нанной Шварц

6 июля 1965 года

После обмена приветствиями А.Л.Мясников предлагает Н.Шварц приступить к обсуждению вопроса, ради которого она приехала в Москву.

Н.ШВАРЦ. Разрешите мне начать с того, что явилось фоном для моего интереса к вопросу о судьбе Рауля Валленберга

В конце войны, а именно в 1945 году, я жила некоторое время в Москве у советского посланника в Швеции Александры Коллонтай. Она заболела в Стокгольме, и мне пришлось сопровождать ее в Советский Союз. Во время моего пребывания в Москве А.Коллонтай несколько раз посетил тогдашний посланник Швеции в СССР Седерблум. Мне стало известно, что темой беседы Седерблума с Коллонтай был вопрос о шведском дипломате Рауле Валленберге.

Позднее в шведской печати я прочла ответ А.Коллонтай на шведский запрос о судьбе Валленберга. В этом ответе Коллонтай говорилось, что Валленберг взят под защиту советскими властями и что с ним обращаются хорошо.

Когда я вернулась в Стокгольм, меня посетила моя старшая знакомая, мать Рауля Валленберга. Теперь ее имя Май фон Дардель. Ее отец был директором Каролинской больницы, а ее муж - отчим Рауля Валленберга - в течение 12 лет служил администратором Каролинского института, где я в то время заведывала клиникой. Фон Дардель несколько раз просила меня сделать что-либо для ее сына. При этом она исходила из того, что у меня много друзей в Советском Союзе и что я близко знакома с Коллонтай. Фон Дардель рассказала некоторые детали относительно пребывания ее сына в Советском Союзе. Я ответила ей,

Разослано по Швеции
размещено 31 № 2861/т
Ю. В. Мясн

что я врач, а не политик, и не хотела бы заниматься этим вопросом.

Затем я получила приглашение академика Нестерова принять участие в ревматологическом конгрессе 1961 г. в Москве. Когда я узнала, что мне предстоит поездка в СССР, я постаралась прочесть все сведения о Рауле Валленберге на всякий случай, если это потребуется. Я тщательно ознакомилась с документами, содержащимися в изданной в 1957 году в Швеции "Белой книге" по делу Валленберга. При этом мне бросились в глаза некоторые детали. Я много раз слышала, что, как говорила Коллонтай министру иностранных дел Швеции, Валленберг находится в Советском Союзе и что он и его имущество взяты под защиту. Некоторые данные, содержащиеся в этой книге, я сочла особенно интересными.

В 1957 году МИД СССР официально сообщил, что Рауль Валленберг, судя по всему, умер 17 июля 1947 года в Лубянской тюрьме. Меня поразило то обстоятельство, что, как показали военнопленные, содержащиеся в Лубянской и Лефортовской тюрьмах, через 10 дней после указанной даты их допрашивали, знали ли они Валленберга. Все допрошенные, за исключением одного, с Валленбергом в одной камере не сидели. И примечательно то, что эти лица по возвращении из СССР дали идентичные показания. Они говорили, что Валленберг был шведским дипломатом и в этом качестве занимался делами евреев в Будапеште во время войны. Они также указывали, что в результате перестукивания ли, что Валленберг и его шофер Лангфельдер были задержаны в январе 1945 года в Будапеште и помещены в Лубянский тюрем. Позднее, в 1945 году, Валленберг был переведен из Лубянской в Лефортовскую тюрьму. Бывшие военнопленные говорили, что готовы под клятвой подтвердить истинность сообщенных ими сведений. Я еще раз хотела бы подчеркнуть то обстоятельство, что показания этих совершенно различных лиц были, за исключением несущественных деталей, аналогичными.

Далее интересным представляется тот факт, что 18 августа 1947 года от Вышинского пришла нота, в которой говорилось, что Валленберг неизвестен в Советском Союзе.

Таким образом, в течение 2-х месяцев произошло так, что Валленберг, согласно записке Смольцова, умер, затем через 10 дней проводились допросы различных военнопленных, выехавших затем из СССР, во время которых ставился вопрос, знают ли они Валленберга. При этом лица, допрошенные 27 июля 1947 года, знали, что допрос вели не представители администрации тюрьмы. Наконец в ноте от 18 августа 1947 года говорилось, что Валленберг в Советском Союзе неизвестен.

После прочтения этих документов я начала думать, не следует ли мне попытаться выяснить судьбу Рауля Валленберга.

Перед моим выездом в Советский Союз в печати появилось сообщение, что три лица, которые сидели во Владимирской тюрьме в корпусах II и III, утверждают, что Валленберг в 50-х годах содержался в тюрьме во Владимире. Они говорили также, что Валленберг, вероятно, был болен, и у них были основания думать, что Валленберг находился в тюремной больнице. Об этих показаниях можно сказать, что они не так доказательны, как показания лиц, о которых я говорила раньше.

Таким образом, семья фон Дардель получила новые сведения о том, что Валленберг был жив после 1947 года.

Когда я поехала в Советский Союз в январе 1961 года, я предполагала вступить в контакт с заместителем министра иностранных дел Семеновым, которого я хорошо знаю по трем годам его пребывания в Стокгольме. Семенов исполнял обязанности посланника в периоды, когда Коллонтай болела. В Москве встретиться с господином Семеновым оказалось невозможным. После этого я начала искать других лиц, занимающих важное положение и известных своими высокими моральными качествами. Тогда-то я и подумала о профессоре Мясникове, который всегда относился ко мне самым дружественным образом. Я страшно колебалась, стоит ли мне вмешивать Вас, профессор Мясников, в это дело, но в конце концов пришла к выводу, что мне следует использовать все возможности.

Я рассказала Мясникову все сказанное мною сейчас, за исключением некоторых деталей. Я не рассказала Мясникову, в частности, о тех мыслях, которые появились

у меня после прочтения "Белой книги" и некоторых других документов. Я сказала профессору Мясникову, что, вне всякого сомнения, Валленберг находился в тюрьме в Советском Союзе. Казалось совершенно правдоподобным, что Валленберг был во Владимирской тюрьме в 50-х годах. Это говорила я, но не Мясников. Рассказав все это, я спросила профессора Мясникова, знает ли он о деле Валленберга. Профессор Мясников ответил "да". Я не нашла ничего странного в том, что Мясников знал дело Валленберга, поскольку к нему лично могли обращаться в связи с болезнью Валленберга.

Я пошла дальше и указала на то, что слышала, что Валленберг болен. Профессор Мясников хххххх ответил "да" и добавил, что "Валленберг в очень плохом состоянии. Он болен психически". (А.Л.Мясников жестом выражает свое удивление).

Наша беседа продолжалась еще некоторое время. Я хотела указать на некоторые малосущественные детали, относящиеся к этой беседе. Прежде всего я хотела бы еще раз подчеркнуть, что именно я рассказала профессору Мясникову о деле Валленберга, и профессор должен был несомненно понять, что он ведет разговор с человеком, который хорошо, хотя и не все, знает о деле Валленберга. Вот некоторые детали, относящиеся к нашей беседе в январе 1961 года.

Во время нашей беседы был известный мне советский профессор (А.Л.Мясников замечает, что академик Сперанский умер два года тому назад), а также заходил другой врач, с которым я говорила. В это время я писала на листе бумаги имя: "Атташе Рауль Валленберг". Этот листок я оставила у профессора Мясникова.

При следующей встрече профессор Мясников говорил, что я неправильно поняла его. Я получила письмо профессора Мясникова, в котором он пишет, что возникло какое-то недоразумение, по-видимому, в связи с тем, что Мясников плохо знает немецкий язык. Я, со своей стороны, должна сказать, что я много раз раньше разговаривала с Мясниковым на немецком языке и всегда хорошо понимала его. Мне очень жаль, что

я причиняю профессору большие неприятности, но считаю, что было бы неправильным, если бы я не сказала то, что я слышала.

В моем письме Семенову и в письме профессору Мясникову я писала, что причиной большого интереса, который я проявляю к делу Валленберга, является то, что я хорошо знаю мать Рауля Валленберга. Она очень страдала из-за неизвестности о судьбе ее сына и со всеми, кто с ней встречался, говорила о своем сыне.

Другой причиной является то, что в данном случае речь идет о шведском дипломате, о котором говорили как о человеке беспримерного мужества. Он пытался выполнить очень тяжелое задание, которое ему было поручено — спасти человеческие жизни от нацистов.

Я слышала утверждения, что Валленберг якобы был шпионом. Я говорила со многими венграми и у меня сложилось убеждение, что он не мог быть шпионом ни в пользу немцев, ни в пользу американцев.

У нас в стране все думают, что Валленберг был жив еще в 1961 г. и был болен. Никто, кроме членов шведского правительства не знает о моей беседе с Мясниковым. Я никогда не говорила фон Дардель о беседе с Мясниковым. В течение последних лет я стремилась избегать встреч с фон Дардель и не видела ее в течение года.

В Швеции все еще говорят часто о Валленберге, что он был шведским дипломатом, что он многих спас от смерти и газовых камер. Они понимают, что может быть временами руководство не знало, где находится Валленберг, может быть его перевели куда-то.

Во время последнего расследования, очевидно, не смогли узнать, где он был, трудно было выяснить все детали. Мы хорошо понимаем, что Валленберг мог быть в таких местах, которых руководство не знало. Но при тщательном глубоком расследовании, изучении шаг за шагом всех деталей можно было бы узнать, где он находится.

Вопрос о Валленберге много раз обсуждался между правительствами Швеции и СССР. С обеих сторон было послано большое число нот. Для обеих сторон лучше всего было бы, если бы в этот вопрос была внесена полная ясность. И в мире также очень высоко было бы оценено, если бы новое советское руководство попыталось изучить это дело и внести в него полную ясность. Я считаю, что было бы ошибкой думать, что в результате этого был бы подорван престиж или в какой-то степени нанесен ущерб Советскому Союзу. Большой источник недоверия был бы ликвидирован, если бы в вопрос о судьбе Валленберга была внесена ясность. Не думайте, что мы будем требовать расследования в деталях, если мы получим разъяснение в целом. Мы в Швеции во всяком случае рассматривали бы такой результат как великое деяние, и наша благодарность была бы огромной. Я убеждена, что все в мире, кто знает это дело, также расценили бы это как великое дело.

А.Л.МЯСНИКОВ. Прежде всего я хотел бы сказать, что большая часть очень длинной речи г-жи Шварц носит общеполитический характер, которую я лично не имею никаких оснований комментировать. В другой части эта речь имеет сугубо психологический характер, определяемый, очевидно, тем, что профессор Шварц близка семье, которая потеряла одного из членов и много страдала. Я разделяю некоторые чисто моральные соображения, которые объясняют вмешательство г-жи Шварц в это дело. Но, к сожалению, в этом деле я лично ничем не могу помочь. Моя персона здесь, по моему мнению, не должна была бы фигурировать.

Позвольте перейти к фактическим обстоятельствам разговора с которым связано возникшее недоразумение. В начале нашей беседы в январе 1961 года г-жа Шварц рассказала об этом деле. Поэтому я и сказал, что теперь я знаком с этим делом. Повторяю, что до беседы со Шварц я никакого понятия не имел об этом деле и абсолютно не знал имени человека, самого слова Валленберг. Я познакомился с этим вопросом из рассказа г-жи Шварц и в интерпретации г-жи Шварц. Более того, я не мог ничего знать об этом деле. Всем известно, что я не имею и не имел ни малейшего отношения ни к тюрьмам, ни к тюремным больницам,

ни к военнопленным, ни вообще к военным. После окончания Отечественной войны я полностью гражданский человек. По линии специальных органов я никогда не приглашался к больным и поэтому я не мог видеть Валленберга. Я хорошо знаю, что я его не видел, и все знают, что я его не видел. Поэтому я думаю, что профессору Шварц показалось, что я видел его.

Я говорил с г-жой Шварц совершенно дружески. И когда г-жа Шварц высказала убеждение, что Валленберг жив, предположив, что он болен, я ответил, что если Вы утверждаете, что он болен, то он может быть и болен. Ведь если предположить, что он жив, то можно предположить, что он болен. Я думаю, что именно в этих условных грамматических оборотах и кроется причина того, что Вы ошибочно поняли мои слова. Я говорил с Вами дружески и не думал, что Вы имеете официальное или полуофициальное поручение по выяснению этого дела. Если бы я знал это, я обязательно пригласил бы переводчика и вел беседу с его помощью. Я утверждаю, что профессор Шварц неправильно поняла мой плохой немецкий язык. У меня не было никаких оснований говорить о том, что г-жа Шварц приписывает мне. У нас всем ясно, что я не мог иметь никакого отношения к судьбе одного из военнопленных. Кстати, во Владимире я не был до 1963 года, когда я ездил туда с сыновьями, чтобы посмотреть знаменитые соборы. Что касается специальных учреждений в Москве, то я не имел и не имею к ним никакого отношения.

Я помню, Вы попросили меня поговорить с Хрущевым о Валленберге. Я ответил Вам, как Вы помните, что я не имею контактов с Хрущевым, что он полностью здоров и что я его не лечу. Вы спросили, к кому Вам следует обратиться. Я несколько раз говорил Вам, что надо обратиться в МИД СССР. Я Вам дал телефон В.С.Семенова, сам звонил ему и говорил о Вашей просьбе.

В конце беседы уже перед прощанием я, на основании того, что Вы мне рассказали, высказал убеждение, что Валленберг мертв. На это Вы очень эмоционально воскликнули, что это неправда, он жив. Я не мог с Вами спорить, потому что я ничего не знал об этом деле. Здесь, как я почувствовал, у Вас какая-то "идея-фикс". У всех они бывают, эти "идеи-фиксы".

Н.ШВАРЦ. Я хотела бы внести поправки в некоторые заявления профессора Мясникова. Я никогда не говорила, что Мясников видел или лечил Валленберга. Я говорила, что Мясников знает это дело.

А.Л.МЯСНИКОВ. Только с Ваших слов.

Н.ШВАРЦ. Профессор Мясников сказал, что я, возможно, имела полуофициальное поручение. Я абсолютно не имела ни официального, ни полуофициального поручения. Я действовала исключительно как частное лицо.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я могу согласиться с этим. Но результат был таким. Вы сказали, что доложили правительству о нашей беседе. Если бы я знал Ваше намерение, я сделал бы стенограмму беседы и дал бы ее Вам.

Н.ШВАРЦ. Я никогда не говорила, что профессор Мясников является лечащим врачом Хрущева.

Исключительно печально то, что мы не можем прийти к единому мнению по этому вопросу.

А.Л.МЯСНИКОВ. Что Вы имеете в виду ?

Н.ШВАРЦ. Речь идет о двух фразах: 1) профессор Мясников сказал, что он знает дело Валленберга. Из каких источников он знает это дело, об этом мне ничего не известно; 2) Мясников сказал, что Валленберг тяжело болен. Я не знаю, на каком основании Мясников сказал это.

Лично я много сделала для Вас, профессор Мясников, но я не могу отказаться от того, что я слышала от Вас.^{х)}

Давайте подумаем над тем, действительно ли в обнаруженном в 1957 г. документе идет речь о Валленберге. Почему Советское правительство не идет на созыв конференции с участием других лиц ? Сообщение о смерти Валленберга было ошибочным, ибо, очевидно, там шла речь совсем о другом человеке.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я никак не могу понять, почему Вы ставите этот вопрос в таком широком плане в институте терапии. Я не дипломат, не представитель правительства, не юрист.

^{х)} А.Л.Мясников полагает, что речь идет, очевидно, об инициативе Н.Шварц в приглашении СССР и ряда видных советских терапевтов, в том числе А.Л.Мясникова на III конгресс по внутренней медицине в Стокгольм в 1954 г., а также о помощи Н.Шварц при вступлении Всесоюзного общества терапевтов в Международную организацию по внутренней медицине.

Я не компетентен обсуждать это дело. Я не имею к нему никаких отношений, никогда не видел Валленберга, не знаю его и прошу уволить меня от дальнейшего обсуждения со мной этого вопроса.

Я часто встречаюсь с учеными из заграницы и ни разу никто, имея достаточно такта, не задавал мне политических вопросов. Я специалист по кардиологии и думал, что Вы будете говорить со мной о кардиологии. Когда же Вы заговорили об этом деле, то я из чисто человеческих чувств не стал вам перечить. И потом многократно повторял, чтобы Вы не обсуждали со мной эти вопросы. Они не входят в круг моих обязанностей как ученого.

На Ваш вопрос тогда я отвечал сослагательно, так как я не мог сказать ни "да", ни "нет". Если я не знаю дела, то я не говорю ни "да", ни "нет". Поэтому я думаю, что Вы поняли меня неправильно.

Что касается Хрущева, то Вы не будете отрицать, что Вы говорили со мной о Хрущеве. Во всяком случае Вы просили меня обратиться к Хрущеву по делу Валленберга.

Остаются два вопроса.

Вы утверждаете, что я говорил, что я знаю дело Валленберга и знаю, что он болен. Я это категорически отрицаю. Я этого дела не знал и, по моему положению, не мог знать. Поэтому возникшее недоразумение я отношу к моему плохому знанию немецкого языка. Вы неправильно перевели и поняли мои слова.

Мне кажется, Вам надо принять то, что я говорю. Недоразумение возникло в связи с неопределенностью моих суждений, обусловленной тем, что я ничего не знал и не знаю об этом деле.

Н.ШВАРЦ. Я хорошо понимаю, как неприятно поднимать политические вопросы в беседах с коллегой. Я надеюсь, что профессор Мясников будет свободно ездить за границу и приедет в сентябре в Швецию. Я повторяю приглашение Союза шведских врачей и профессора Бьерка профессору Мясникову прибыть в Швецию в сентябре для чтения лекций.

Теперь позвольте мне вновь вернуться к этим двум вопросам. Как бы я лично ни хотела пойти Вам, профессор Мясников, навстречу и взять на себя вину, я не могу этого сделать.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я беру на себя часть вины за возникшее недоразумение. Я признаю, что мой немецкий язык плох. Моя речь была неясной. Что еще я могу сказать.

Н.ШВАРЦ. Я всегда хорошо понимала Вас, профессор Мясников, и в этом отношении я уступить не могу.

А.Л.МЯСНИКОВ. Но почему после всего сказанного мною Вы не хотите верить, что я не видел, не мог видеть и знать что-либо о Валленберге. Я выразился так, как я выразился. Вы поняли меня так, как Вы поняли. Значит, Вы оказались жертвой моего плохого языка.

Я даже готов признать, что я, может быть, не понимал точно Ваших вопросов. Я искренне хочу рассеять возникшее недоразумение. Это же аксиома — я не знал и не мог ничего знать об этом деле. Если бы я стал утверждать, что я знаю Валленберга, то меня сочли бы сумасшедшим. Я не мог его видеть и не мог ничего знать о нем.

Я никогда не был ни в тюрьмах, ни в лагерях, я никогда не имел дела со специальными органами. Я прошу понять, что наша беседа в ее политической части основывается на недоразумении. По этому вопросу я больше говорить не буду. Вопросы о претензиях вашего правительства к нашему правительству должны решаться дипломатическим путем. Вы говорите, у Вас не верят в смерть этого человека, это — другой вопрос. Хотите верить, хотите нет. Но меня в это дело, в дискуссию по нему, прошу не впутывать. Я не имею никаких оснований участвовать в этом. Я — не сотрудник МИД. Я ничего не знаю. Я встречался раньше с Вашим послом Сульманом, бывал на приемах у него. Но он никогда не обращался ко мне с подобными вопросами.

А если бы он у меня спросил, то я ответил бы ему то же самое, что я сказал господину послу Яррингу и Вам, г-жа Шварц.

Н.ШВАРЦ. Для меня вполне понятно, что профессор Мясников не занимается политическими вопросами. Я думаю и верю, что профессор Мясников впервые оказался втянутым в политическое дело. Я никогда не говорила, что Мясников посещал тюрьмы. Что касается Ваших слов о поручении, то я вновь повторяю, что у меня не было поручения. Но когда я вернулась из Москвы, то я сочла своей обязанностью доложить о нашей беседе моему правительству.

А.Л.МЯСНИКОВ. Вот это плохо, Вы поставили свое правительство в ложное положение. На основании беседы с частным лицом Вы ввели в заблуждение свое правительство.

Вы говорили, что Вы не имели какого-либо официального или полуофициального поручения. Если бы я знал, что Вы о нашей беседе будете сообщать правительству, я пригласил бы stenografistku и дал бы Вам stenogrammu нашей беседы.

Я могу оказать только, что если все Ваши сведения по этому делу имеют такое же основание, что и Ваши ссылки на беседу со мной, то дело вообще плохо. Нельзя основывать действия правительства на пустой болтовне.

Н.ШВАРЦ. Может быть мне и не следовало бы тотчас докладывать о нашей беседе правительству. Однако я еще раз подчеркиваю, что никаких заданий я не имела.

Что касается показаний пленных, то они были получены в результате специально организованных допросов. Эти показания были изучены двумя высококвалифицированными юристами, и нет оснований сомневаться в их правильности. Лично я считаю, что человек, о смерти которого говорится в записке Смольцова, был не Рауль Валленберг.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я еще раз рекомендовал бы Вам обсуждать этот вопрос в другом месте.

Н.ШВАРЦ. Я упомянула о пленных только потому, что Вы затронули их показания.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я доволен тем, что Вы начинаете понимать, что наш разговор основан на недоразумении.

Н. ШВАРЦ. Наш разговор не изучен юристами.

А.Л.МЯСНИКОВ. Об этом не может быть и речи. Два лица выступают с утверждениями, противоположного характера, а свидетелей нет. Поэтому нет и оснований для юридического разбирательства.

Н.ШВАРЦ. Некоторый интерес представляет то, что при нашей беседе были Сперанский и другой врач.

А.Л.МЯСНИКОВ. Сперанский умер два года тому назад.

Я согласился вновь встретиться с Вами с расчетом, чтобы попытаться прийти к единому мнению о том, что происшедшее объясняется исключительно недоразумением. Я уже все сказал. Я изложил то, что, по моему мнению, лежит в основе недоразумения. Я виню в этом деле не только Вас, но прежде всего себя. Но если бы я знал, что Вы будете говорить о каких-то юристах, то я отверг бы предложение о встрече как недостойное.

Н.ШВАРЦ. Я затронула вопрос об юридической проверке показаний лишь потому, что наша беседа коснулась этих показаний. В мои намерения не входило предлагать Вам какое-либо юридическое разбирательство. Но это тем не менее не мешает мне оставаться на моей точке зрения.

А.Л.МЯСНИКОВ. Будучи ученым, я хотел бы уяснить для себя почему Вы продолжаете утверждать, что я видел или знал о Валленберге до нашей встречи в 1961 году. Неужели после всех разъяснений Вы продолжаете верить в свою версию, которая строится на разговоре, проходившем четыре года тому назад на плохом немецком языке. Удивительно !

Н.ШВАРЦ. Профессор Мясников пытается представить дело так, что он не знал о деле Валленберга. Но я предполагаю, что профессор Мясников что-то знал о каком-то лице; я предполагаю, что профессор Мясников что-то слышал от другого лица о деле Валленберга.

А.Л.МЯСНИКОВ. Но и это предположение неправильно. Об этом деле я ничего не знал и ничего не слышал до нашей с Вами встречи в январе 1961 года. Вы должны понять: война — это тяжелый период. После войны у отдельных людей были очень тяжелые

судьбы. У нас в Советском Союзе бывали случаи, когда некоторые солдат считали погибшими, родные получали похоронные, а они после войны возвращались домой из плена. Это описано и в нашей художественной литературе. Бывало и так, что жена, не дождавшись с фронта мужа, вновь выходила замуж. Возвращался первый муж, и у женщины оказывалось два живых мужа. Это описано. Я представляю себе всю сложность судьбы людей, попавших в этот котел войны. Потому-то я и говорил с Вами, прибегая к условным оборотам. Очевидно, поэтому и была возможность воспринять мои слова так, как Вы их поняли. Я допускаю в общем такую возможность. Но что касается дела Валленберга, то я нигде, до Вашего прихода в институт, ничего о нем не слышал, тем более не мог его видеть.

Н.ШВАРЦ. Я не утверждала, что Вы видели Валленберга.

Мы надеялись, что с Валленбергом может произойти то же самое, что произошло и с советскими людьми, которых считали погибшими и которые затем возвратились домой живыми.

А.Л.МЯСНИКОВ. Это дело правительственных организаций. Я думаю, что вряд ли был бы смысл держать в Советском Союзе какого-то Валленберга, если бы он был жив. Для чего? Если бы его нашли, вам бы его давно отдали. Вы хотите, чтобы были усилены розыски, так об этом следует говорить не мне.

Н.ШВАРЦ. Я согласна, что такой вопрос не может быть решен между нами. Но то, что люди встречаются и обсуждают этот вопрос, тоже ценно. Я должна сказать, что со стороны шведского правительства было сделано много. Но я хотела бы еще раз подчеркнуть, что я действовала не по официальному поручению; единственной причиной, побудившей меня обратиться к Вам, была просьба матери Валленберга.

Еще один вопрос, о котором говорит вся Швеция. Шведы удивляются, почему бы не просмотреть все документы, относящиеся к этому делу. Я должна высказать мое совершенно определенное убеждение, что я не могу согласиться с тем, что я якобы неправильно поняла Ваши высказывания. Я, к сожалению, должна настаивать на том, что Вы мне сказали. Вы сказали, что

Валленберг болен психически и находится в больнице. Вы хотите чтобы я согласилась с тем, что Вы предложили сегодня, а имен что тогда в нашей беседе произошло недоразумение. Но я со своей стороны должна сказать, что, выезжая сюда, я тоже надеялась на положительный результат.

А.Л.МЯСНИКОВ. Что же Вы понимаете под положительным результатом ?

Н.ШВАРЦ. Я думала, что Мясников, во-первых, подтвердит, что он знает о Валленберге. Я полагала, что Мясников знал это дело.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я этого дела не знал. Все это сплошная нелепость.

Н.ШВАРЦ. Второй пункт. Мое твердое убеждение, что профессор Мясников знал, что Валленберг психически болен и находится в больнице.

А.Л.МЯСНИКОВ. Первый пункт я отвергаю. Но дело не в это. Ведь Вы допускаете, что я не знал имени Валленберга, но что я мог слышать о подобном другом человеке. Это - допущение. Имя Валленберга я долго не мог запомнить. Только потом, через другие каналы, я узнал, о чем же идет речь.

Что касается второго пункта, то я сказал Вам, что может быть этот человек жив, может быть нет, я не знаю, в больнице ли он или здоров. Вы не будете отрицать, что в конце беседы я высказал убеждение, что этот человек умер. Но Вы тогда воскликнули: "Нет, он жив !". Я же не мог знать, жив ли этот человек или нет. Но поскольку его не передают шведскому правительству, значит передавать нечего, значит его нет в живых.

Н.ШВАРЦ. Точно вот эти слова Вы сказали мне 28 марта 1961 года ^{х)} после Вашей беседы с Хрущевым.

А.Л.МЯСНИКОВ. Это я говорил в беседе в январе 1961 года.

х) См. примечание на стр. 16.

Н.ШВАРЦ. Я не могу согласиться, что было недоразумение. Я точно знаю, что перед тем как я приехала сюда в конце марта у Вас была беседа с Хрущевым.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я никогда не встречался с Хрущевым. Я ли видел Хрущева и других членов политбюро во время болезни Сталина. Видел его на демонстрациях на Красной площади. Но ни разу не видел Хрущева позднее.

Н.ШВАРЦ. Я не сама выдумала эти вещи. Я знаю, что Хрущев плохо воспринял письмо нашего премьер-министра. Я думаю, что было бы правильным придерживаться январской беседы. Я могла бы еще кое-что сказать, но не считаю это желательным.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я не намерен отходить от своего толкован

Н.ШВАРЦ. Я понимаю, что если Советское правительство будет тщательно расследовать это дело, то не будет необходимости специально разбирать наш разговор, который проходил без свидетелей. Но следует изучить другие показания.

Мы надеемся, что это дело будет подвергнуто более глубокому расследованию, которое покажет, что ссылки на 1947 год являются ошибочными. Это должно быть ошибкой. Ведь утверждаю что Валленберг умер 17 июля 1947 года. Но есть показания о допросах 27 июля 1947 года. Есть показания, свидетельствующие о том, что Валленберг был жив и позднее.

А.Л.МЯСНИКОВ. Вы вновь выходите за рамки цели, которая стоит перед нашей встречей. А поскольку это так, то такое обсуждение следует прекратить. Я считаю, что мы обсудили воп ради которого мы встретились.

Н.ШВАРЦ. Я не думаю, что мы пойдем дальше и достигнем большего.

Но я надеюсь, что профессор Мясников 21 сентября прибудет в Стокгольм и, поскольку мы сегодня обсудили вопрос о Валленберге, у нас не будет необходимости обсуждать его в Стокгольме.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я благодарю профессора Шварц, профессор Бьерка и Союз шведских врачей за приглашение, но, к сожалени я не смогу приехать в Швецию в сентябре. Я был в мае в Швейцарии, в конце года возможно поеду в США. Не могу я все время отсутствовать. Я должен руководить институтом. Сейчас у нас много работы - институт реставрируется.

Н.ШВАРЦ. Я весьма сожалею. Поездка в Стокгольм не отняла бы у Вас много времени. Самолетом — это только два часа. Можно сегодня приехать, прочесть лекцию и завтра вернуться домой.

А.Л.МЯСНИКОВ. Во всяком случае благодарю за приглашение.

Беседа состоялась в служебном кабинете А.Л.Мясникова в институте терапии АМН СССР и продолжалась 2 часа 45 минут.

На беседе присутствовали: со шведской стороны — посол Швеции в СССР Г.Ярринг, с советской — советник Отдела скандинавских стран МИД СССР Г.Н.Фарафонов. Беседу переводил атташе ОСС И.А.Косачев.

Примечание: После беседы нами был задан А.Л.Мясникову вопрос, о какой встрече 28 марта 1961 г. говорила Шварц. А.Л.Мясников сказал, что это вымысел Шварц, никакой встречи Мясникова со Шварц 28 марта не было. Шварц действительно приходила в институт терапии, но Мясников предупредил своего секретаря, и, когда ему сообщили, что Шварц пришла, Мясников ушел из института черным ходом. Мясников предупредил также жену, чтобы она, если Шварц будет звонить домой, сказала, что его нет дома. Шварц на квартиру Мясникова не звонила.

Беседу записали:

Г.Фарафонов (Г.Фарафонов)

И.А.Косачев (И.Косачев)

Разослано:
Т.Громыко А.А.
Т.Кузнецову В.В.
Т.Фирибину Н.П.
в дело (2)

Исх. 400/кк
9. VII. 1962.

Закончил текст записки
Беседа состоялась с
м. Мясниковым А.Л.
9 июля 1965 года

Г.Фарафонов
18 VII. 65 г.

Ц К К П С С

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 3 мая 1956 г. МИД и КГБ представляют проект ответа правительству Швеции по вопросу о шведском дипломате Валленберге.

Проект постановления прилагается.

Просим рассмотреть.

Д. Шепилов

И. Серов

12/14 января 1957 г.

№ 64/III

12/14 15-54

7.I

Верно: Тюркешенская

10-эр
№ 20/Осс
4.I.57

Рябенков
4.1.57.

№ 34-а3

4.I.57г.

14
РАСЕКРЕЧЕНО

19 г.

Сов. секретно. Экз. № _____

Проект.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

Утвердить представленный МИД и КГБ текст памятной записки по вопросу о шведском дипломате Валленберге для вручения посольству Швеции в Москве. (Прилагается).

Ю. к № 20/Осс

к. в. 34-а3

Романов
4.01.57.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

В связи с просьбой Правительства Швеции Советским Правительством было поручено соответствующим советским органам проинформировать рассмотрение и проверку материалов относительно Рауля Валленберга, полученных от шведской стороны во время советско-шведских переговоров в Москве в марте-апреле 1956 года, а также в мае 1956 года.

В процессе рассмотрения и проверки этих материалов советские органы произвели тщательный просмотр архивов, относящихся к учету заключенных и к следственным делам, в том числе архивов Лефортовской и Лубянской тюрем в Москве и тюрьмы во Владимире с целью обнаружения возможных сведений о Валленберге. Был проведен также опрос многих лиц, могущих иметь отношение к обстоятельствам, упомянутым в материалах, полученных от шведской стороны.

Однако в результате этих мер не удалось обнаружить каких-либо данных о нахождении Валленберга в СССР. Выяснилось при этом, что никому из опрошенных не было известно какое-либо лицо под фамилией Валленберг.

В связи с этим соответствующие советские органы предприняли полистовую проверку архивных документов всех вспомогательных служб указанных выше тюрем. В результате такой проверки в архивных документах санитарной службы Лубянской тюрьмы был обнаружен документ, который есть основание рассматривать как имеющий отношение к Раулю Валленбергу. Этот документ представляет собой рукописный рапорт на имя бывшего министра государственной безопасности СССР Абакумова, написанный начальником санитарной службы этой тюрьмы Смольцовым А.Л., следующего содержания:

"Докладываю, что известный Вам заключенный Валленберг сегодня ночью в камере внезапно скончался предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда.

В связи с имеющимся от Вас распоряжением о личном наблюдении за Валленбергом прошу указания, кому поручить вскрытие трупа на предмет установления причины смерти.

17.УП.47 г. Начальник санчасти тюрьмы
полковник медицинской службы - Смольцов".

На этом рапорте имеется сделанная рукой Смольцова следующая надпись:

"Доложил лично Министру. Приказано труп кремировать без вскрытия.

17.УП. Смольцов".

Каких-либо других сведений документального или свидетельского характера обнаружить не удалось, тем более, что упомянутый выше Смольцов А.Л. умер 7 мая 1953 года.

На основании вышеизложенного следует сделать заключение, что Рауль Валленберг умер в июле 1947 года.

Рауль Валленберг был, по-видимому, в числе других лиц, задержанных в районе боевых действий советских войск. Вместе с тем можно считать несомненным, что последующее содержание Валленберга в заключении, а также неправильная информация о нем, дававшаяся некоторыми бывшими руководителями органов безопасности в МИД СССР в течение ряда лет, явились результатом преступной деятельности Абакумова. Как известно, в связи с совершенными им тяжкими преступлениями, Абакумов, действовавший в нарушение законов СССР и стремившийся нанести всяческий ущерб Советскому Союзу, был осужден и расстрелян по приговору Верховного Суда СССР.

Советское Правительство искренне сожалеет по поводу случившегося и выражает свое глубокое соболезнование Правительству Швеции, а также родственникам Рауля Валленберга.

Рауль Валленберг
7/1

кр 89
Тов. ШЕПИЛОВУ Д.Т.

Представляю переработанный проект ответа шведам по вопросу о Валленберге. Этот проект подготовлен с участием работников аппарата КГБ, однако т. Серов еще не смотрел.

Возникает вопрос, не следует ли дать ответ шведам до приезда в Стокгольм т. Гусева.

Прошу обсудить.

А. Захаров
А. ЗАХАРОВ

"7" января 1957 года

Вер

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

В связи с просьбой Правительства Швеции Советским Правительством было поручено соответствующим советским органам произвести рассмотрение и проверку материалов относительно Рауля Валленберга, полученных от шведской стороны во время советско-шведских переговоров в Москве в марте-апреле 1956 года, а также в мае 1956 года.

В процессе рассмотрения и проверки этих материалов советские органы произвели тщательный просмотр архивов, относящихся к учету заключенных и к следственным делам, с целью обнаружения возможных сведений о Валленберге. Был проведен также опрос многих лиц, могущих иметь отношение к обстоятельствам, упомянутым в материалах, полученных от шведской стороны.

Однако в результате этих мер не удалось обнаружить каких-либо данных о нахождении Валленберга в СССР. Выяснилось при этом, что никому из опрошенных не было известно какое-либо лицо под фамилией Валленберг.

В связи с этим соответствующие советские органы предприняли по листовую проверку архивных документов всех вспомогательных служб некоторых тюрем. В результате такой проверки в архивных документах санитарной службы Лубянской тюрьмы был обнаружен документ, который есть основание рассматривать как имеющий отношение к Раулю Валленбергу. Этот документ представляет собой рукописный рапорт на имя бывшего министра государственной безопасности СССР Абакумова, написанный начальником санитарной службы этой тюрьмы Смольцовым А.Л., следующего содержания:

"Докладываю, что известный Вам заключенный Валленберг сегодня ночью в камере внезапно скончался предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда.

В связи с имеющимся от Вас распоряжением о личном наблюдении за Валленбергом прошу указания, кому поручить вскрытие трупа на предмет установления причины смерти.

17.УП.47 г.

Начальник санчасти тюрьмы
полковник медицинской службы - Смольцов".

На этом рапорте имеется сделанная рукой Смольцова следующая надпись:

"Доложил лично Министру. Приказано труп кремировать без вскрытия.

17.УП. Смольцов".

Каких-либо других сведений документального или свидетельского характера обнаружить не удалось, тем более, что упомянутый выше Смольцов А.Л. умер 7 мая 1953 года.

На основании вышеизложенного следует сделать заключение, что Рауль Валленберг умер в июле 1947 года.

Рауль Валленберг был, по-видимому, в числе других лиц задержан в районе боевых действий советских войск. Вместе с тем можно считать несомненным, что последующее содержание Валленберга в заключении, а также неправильная информация о нем, дававшаяся некоторыми бывшими руководителями органов безопасности в МИД СССР в течение ряда лет, явились результатом преступной деятельности Абакумова. Как известно, в связи с совершенными им тяжкими преступлениями, Абакумов, действовавший в нарушение законов СССР и стремившийся нанести всяческий ущерб Советскому Союзу, был осужден и расстрелян по приговору Верховного Суда СССР.

Советское Правительство искренне сожалеет по поводу случившегося и выражает свое глубокое соболезнование Правительству Швеции, а также родственникам Рауля Валленберга.

Москва, 6 февраля 1957 года

из ДНЕВНИКА
А.А. ГРОМЫКО

031/2. 8
"7" февраля 1957 г.
№ 12 / АГ-НС

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

с послом Швеции в СССР Р. Сульманом
6 февраля 1957 года

Сегодня в 15.00 принял Сульмана и вручил ему памятную записку о результатах проверки материалов относительно шведского гражданина Рауля Валленберга, полученных от шведской стороны во время советско-шведских переговоров в Москве в марте-апреле 1956 года (прилагается).

Ознакомившись с текстом памятной записки, Сульман сказал, что он незамедлительно доведет его до сведения своего правительства. Далее Сульман сказал, что он хотел бы зарезервировать для своего правительства право вернуться к данному вопросу после того, как оно изучит памятную записку, и обратился ко мне с просьбой не передавать текста памятной записки для опубликования в советской печати до того, как с ним ознакомится шведское правительство. Сульман добавил, что сам он после столь быстрого ознакомления с текстом памятной записки в настоящее время не может сделать каких-либо замечаний.

Ответил Сульману, что у нас пока нет намерения передавать текст памятной записки для опубликования в печати.

В конце беседы Сульман, сославшись на необходимость вылететь на несколько дней из СССР, спросил, когда начнется обсуждение вопросов международного положения и внешней политики СССР на сессии Верховного Совета СССР.

Ответил, что относительно даты сейчас я ничего не могу сказать.

Беседа продолжалась 15 минут. Присутствовал II-й секретарь Отдела скандинавских стран Ворожейкин Е.А.

и.и. ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

(А. ГРОМЫКО)

Верно: Громыхин